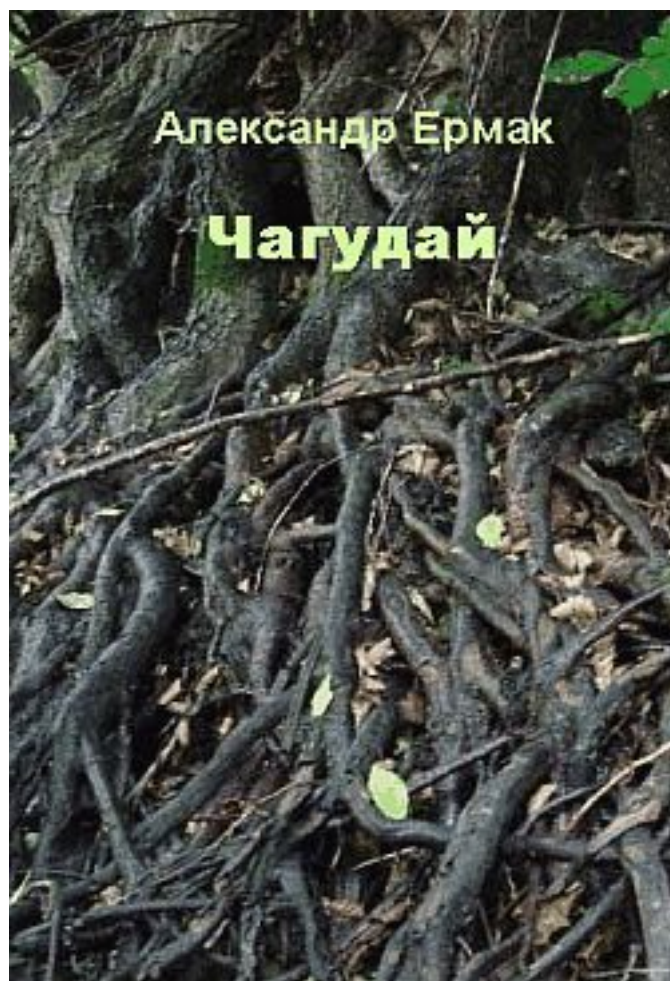

Александр Ермак

Чагудай

Александр Ермак

Чагудай

«Автор»

Ермак А.

Чагудай / А. Ермак — «Автор»,

Книга состоит из повести «Чагудай» и двух циклов рассказов: «А у нас во дворе» и «Побасенки о боге и черте». Чагудай – это поселок, в котором родился главный герой одноименной повести, и это место, куда ему не хочется возвращаться. По серьезным причинам... «А у нас во дворе» – цикл миниатюр-рассказов мужиков, собирающихся после работы возле дома «забить козла» в домино и заодно поговорить «за жизнь»: о женах, о тещах, о любовницах... «Побасенки о боге и черте» – это 52 мини-истории о почти мирном сосуществовании бога, черта, и, конечно, людей.

© Ермак А.

© Автор

Содержание

ЧАГУДАЙ	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Александр Ермак

Чагудай

ЧАГУДАЙ

Посвящается моей маме – Нине Николаевне, отцу – Николаю Ивановичу, брату – Константину, бабушкам – Анне, Елизавете, Ольге, Клавдии, дедом – Николаю, Ивану, Спиридону, друзьям – Дмитрию, Виктору («Рыжесму»), Юрию («Кузе»), Игорю («Поварешке»), Юрию («Сметане») и его брату Юрию, Любе, Лилии, Марине («Мане»), Павлу, Андрею («Воробе»).

Я не хотел туда ехать. Не хотел возвращаться. Хотя бы еще несколько лет. Но официальное письмо «...прибыть для окончательного решения...» не предусматривало отсрочки. Чагудай ждал меня.

– Надо ехать.

Жена вздохнула.

Я повторил:

– Надо ехать...

– Что ж..., – кивнула, – Раз надо...

И отвернулась. Потащила из кармана халата платочек.

Старший глянул вопросительно: «Не возьмешь с собой?»

«Не возьму».

В ногу вцепилась младшая, затараторила:

– Папка, папка, не уезжай... Папка, папка, возьми с собой... Папка, а что ты мне привезешь?...

Я поднял дочку на руки:

– Привезу, привезу...

– А что, что привезешь?

Жена, промокнув платочком глаза, грустно улыбнулась:

– Привези ей брусники. В Чагуде она такая большая и вкусная...

– А тебе?

Она не ответила. Она не хотела меня отпускать. В Чагудай.

Старший ушел в свою комнату. Младшая спрыгнула на пол, вьется вокруг:

– Папка, привези брусники... Папка, привези брусники...

– Привезу... Привезу... Привезу...

Это стучат колеса. Поезд дальнего следования. Мимо купе прошел пожилой проводник. За ним идет второй, молоденький, просматривает билеты:

– Вам, значит, до Кольцовки?

– Почти...

– Это как?

– В Чагудай.

Молоденький наморщил лоб:

– Такой станции нет.

– Я знаю.

– И у вас в билете написано «Кольцовка».

– Я знаю.

Молоденький ладонью, как утюгом, разгладил морщины:

- А... вам, верно, еще потом от Кольцовки добираться?
- Так и есть.
- Теперь уже наморщил нос:
- В такую даль ехать и потом еще с пересадками – мучительно это...
- Да уж...
- Счастливого пути.
- Спасибо.
- Молоденький проводник перешел в другое купе. Однако через минуту заглянул снова:
- Как вы сказали называется этот ваш Чаг... Чуг...
- Чагудай.
- Забавное слово.
- Кому как...
- Счастливого пути.
- Спасибо.
- Чагудай... Чагудай... Чагудай...

Наверное, когда слышишь впервые, это слово действительно звучит забавно, странно. Но для меня оно совсем обыденное, такое же простое, как «мама», «хлеб», «соль». «Чагудай» – это все, что в детстве находилось рядом со мной, вокруг меня. Мой дом – серая пятиэтажка. Между ней и соседними – мой двор. И моя улица «Державная». И еще близкие – «Болотная», «Марьин тупик», «Раздольная». И дальние улицы – «Первая заводская», «Вторая»...

С левой руки – болото в кочках и камышах, немного чистой воды. С правой – завод в черно-рыжем облаке дыма. В болото упирается «Болотная», в завод – «Первая заводская». А еще есть «Круговая». Она огибает завод и выходит на дорогу к железнодорожной станции «Кольцовка». Туда ходит автобус. Прямо от проходной завода и до перрона. По виляющей между холмами дороге. Два часа.

Однажды, когда мать перечитывала возле меня маленького вслух старые письма, я понял, что Чагудай – это название моего поселка. И что кроме него есть еще на земле много и других поселков, деревень, станций, городов. И у всех у них свои названия: Кольцовка, Синяя горка, Шольский...

Я пытал мать:

- А в «Синей горке» есть синяя горка?
- Есть, – отвечала она, – там синей глины очень много...
- А город Шольский почему так называется?
- Не знаю.
- А Кольцовка?
- Там давным-давно крепость деревянная стояла вокруг домов кольцом. Вот станцию так и называли...

- А наш Чагудай?
- А наш Чагудай... Да кто как говорит...

Когда я пошел в школу, учитель истории с фамилией Пойгу объяснил, что Чагудай происходит от старинного промысла – собирательства чаги. Чага – это нарост такой на березе. Его еще древесным грибом называют. И есть у него вроде бы целебные свойства. Так вот, по словам учителя, люди издавна в наших березовых краях эту чагу собирали – много ее здесь. Собирали и несли в другие места, продавали. А покупатели так и спрашивали нашенских:

- Чагу дай... Чагу дай...
- Так и получилось – Чагудай.

Слова учителя Пойгу сильно были похожи на правду. Чагой и в самом деле многие старики в нашем поселке лечились. Бабка моя Настасья тоже чуть ли не каждый день крошила этот гриб, заваривала и пила его как чай. При этом не согласна была с учителем Пойгу:

– И ни при чем тут чага вовсе. Чагудай, – тыкала рукой в сторону болота, – по-старому гиблое место значит. Сколько народу в топи этой пропало да сгинуло. И старых, и молодых... Вот повелел же господь нам здесь уродиться... – крестилась она. И еще пугала меня, чтобы не ходил к воде. – Живет под болотом сам черт Чагудай. Как кто ему наверху понравится, так он его подкараулит и к себе волочет. А чтоб случайно не видал никто, тумана-пару вокруг напустит...

С болота и правда чуть ли не каждый день поднимался туман. То утром, то вечером, а то и прямо среди бела дня. Иногда просто пожирал поселок – поднимался по улицам, вползал в дома через открытые окна и двери.

Завидев поднимающийся с болота туман, я, напуганный бабкиными рассказами, со всех ног бежал домой и прятался – забирался под одеяло. И засыпал там. А снился мне тогда один и тот же сон. Будто играл я с другими ребятами на берегу, но отстал от них на тропе в камышах. А из Чагудая как раз туман пополз. И вот иду я, тороплюсь за друзьями, ходу прибавляю, а все спин их не вижу. Замечаю только, что тропинка под ногами вроде совсем и не та. Понять не могу: никуда не сворачивал, знакомых кустов держался, но не те уже камыши вокруг. И кочки пошли хлипкие, ненадежные – того и гляди, вместе с тобой под воду уйдут.

Понимаю я, что заблудился. Иду не туда совсем. И страх на меня напал. Слезы из глаз побежали. Полились. Размазываю их по щекам. И реву все громче и громче:

– Отпусти меня, Чагудай, отпусти.

А он только пузыри пускает, бухтит:

– Бух-бух... Бух-бух...

Как будто хохочет довольно. Что заманил меня, что получил добычу:

– Бух-бух... Бух-бух...

И не слышу уже больше ничего, кроме его бухчания. А туман меня со всех сторон окружает все плотнее и плотнее. Сейчас Чагудай спихнет с кочки и к себе в топь потащит. Заткнет рот склизкой, вонючей грязью и сожрет, как есть, целиком – костей не выплюнет. И только посмеется над мечущимися на берегу матерью и бабкой:

– Бух-бух... Бух-бух...

Вот уже и ноги мои совсем не идут, между кочками в трясине завязли, цепко держит, тащит меня к себе Чагудай:

– Бух-бух... Бух-бух...

И тогда я уже не реву, а кричу во весь голос:

– Отпусти меня, Чагудай! Отпусти!.. Мама! Мама!

И просыпаюсь от ее слов:

– Ну что ты, сынок? Привиделось что? Ну, успокойся, я рядом...

И я жался лбом к материной ладони. Чагудай отпускал меня. Слезы мои высыхали...

Притормаживаем. В купе заглянул первый проводник. Пожилой:

– «Синяя горка». Стоянка – одна минута...

Поезд снова тронулся. За окном сосны, сосны, сосны. Кустарник. Поля. Снова сосны. Березы. Поля. Березы. Березы...

Поглядываю на часы. Поглядываю на часы. Поглядываю на часы:

– Пора...

Достал сумку. Уложил. Утрамбовал. Всего-то ничего...

Позевывая, бредет молоденький проводник. Остановился напротив. Соображает, глядя то на меня, то на сумку. Наконец сообразил. Улыбнулся:

– Рано собираетесь. До Кольцовки еще четыре часа.

– Я через пятнадцать минут выхожу.

Молоденький напрягся. Потом замотал головой:

– Но до Кольцовки нет остановок.

– Я знаю.

Молоденький ничего не сказал и повернул обратно к служебному купе. Вскоре и я двинулся в ту же сторону, к выходу. Пожилой проводник пил чай и что-то объяснял молоденькому и, увидев меня, спросил:

– Чагудайский?

Я кивнул.

И он кивнул.

Минута в минуту поезд замедлил ход на повороте. Пожилой проводник молча открыл дверь. Насыпь. Полоска травы. Березы.

Молоденький широко раскрытыми глазами глядел на меня. Я попрощался:

– Счастливо.

– Всего доброго.

Швырнул за дверь сумку. Следом швырнул себя.

Я не устоял на ногах, кубарем скатился с насыпи. Упал спиной в траву. И закрыл глаза.

Сквозь ноздри прямо в мозг ударил пряный запах – кашка, ромашка, разнотравье-разноцвет, ягода с грибами, роса да березова слеза.

В ушах – кузнечики и пичуги. И взбудораженная кровь вместе с уходящим за поворот поездом:

– Тук-тук, тук-тук, тук-тук...

Я приоткрыл глаза. Небо всматривалось в меня, узнавало.

Березы тянули ко мне свои ветви. Узнали.

На плечо села рыжая бабочка.

– Ну, здравствуй, Чагудай.

Я встал. Нашел сумку. Знакомую тропинку. Отсюда до поселка всего-то пятнадцать километров. Часа четыре шагать. За это время как раз только и доедешь поездом до Кольцовки. А там еще ждать автобуса. И дай бог, чтоб в нем хватило места. И потом еще два часа. По виляющей между холмами дороге.

А здесь напрямик через березовый лес. Это только больные да старики возвращаются через Кольцовку. А так все чагудайцы, которые подъезжают с этой стороны, здесь спрыгивают. Торопятся домой.

Я не тороплюсь. Это просто привычка. Прыгать на повороте. Возвращаться лесной тропинкой.

И я шагаю, шагаю, шагаю. И он все ближе, и ближе, и ближе. Чагудай...

Когда-то он был просто далекой деревней. Народ здесь жил лесом да огородом. Себе на стол и в погреб. И еще на продажу в Кольцовку. К останавливающимся на несколько минут пассажирским поездам везли телегами землянику-малину, бруснику и грузди из дальнего бора, белые и чагу – из березняка, а также огородную картошку, огурцы, капусту.

Жили деревенские не богато, но и не сильно бедствовали. В будние дни трудились, по праздникам гуляли. Просто и понятно.

Потом на эти земли пришли геологи и за деревней неподалеку от болота нашли легкодоступные залежи руды. Пригнали технику для добычи. И тут же построили небольшой обрабатывающий завод. От Кольцовки грузовики накатали твердую, не раскисающую в дождь дорогу. По ней пришла в Чагудай другая жизнь.

Заводу нужны были рабочие руки и он платил хорошие деньги. Чагудайский народ перестал собирать чагу-ягоды-грибы. Потянулся к проходной. Нормированный рабочий день. С перерывом на обед. Выходные.

Завод строил каменные пятиэтажки. С отоплением. С водой. С туалетами. Бревенчатые избы с огородами менялись на квартиры. Земля уходила из под ног – под склады и асфальт.

Чагудай стал поселком при заводе. От деревни в нем осталось одно название.

Бабка Настя рассказывала мне:

– Уже все наши работали на заводе. А людей все не хватало. И понавезли нам тогда вербованных. Кого откуда-то с других заводов, кого после армии. А еще много заключенных, освободившихся с Синей горки было – лица серые, злые, на руках наколки, плюются, ножичками играют...

Коренные чагудайцы обживали пятиэтажки рядом со своими прежними домами – у болота. Вербованных заселили в новостройки прямо рядом с заводом. Весь Чагудай разделился на две части: «болото» и «вербовка».

Я родился на «болоте». В нашем доме и в тех, что рядом, было полно родственников – дядьки, тетки, племянники, всякие кумы и крестники. А еще тут же жили прежние деревенские соседи. Двери в квартирах по привычке запирались только на ночь. На лестничных площадках, как раньше в сенях, стояла детская и взрослая обувь, тут же ящики с картошкой, велосипеды, горшки, склянки...

В окно влетало:

– Колька! Парфенов! Выходи играть!..

И я выбегал в общий двор, как в свой собственный. Здесь все взрослые знали меня. Здесь я знал почти всех взрослых. А пацанов с их младшими-старшими сестрами, конечно, точно всех.

– Колька! Давай сюда, – звал меня мой друг Серега с площадки, на которой мы играли в футбол, «вышибалу» и «чижик-пыжика».

– Ну, иду, иду...

Еще подходил Лешка Зубенко с пришитыми погонами на рубашке – он хотел стать военным. Володька Тумкин – всегда с отверткой или пассатижами. Юрка Сурепов – палец во рту. И еще пацаны.

Если во дворе не было других девчонок, то к нам просилась Наташка Федотова:

– И меня возьмите.

Иногда брали:

– Ладно, вставай на ворота.

Но нашим местом был не только двор. Мы бегали на болото. Ловили карасей на чистой воде, резали камыш для копий и стрел. А еще пекли на берегу картошку. Играли в «войнушку»:

– Та-та-та-та-та-та...

– Убит!

– Нет, ранен, ранен!

Еще ходили в лес, строили шалаши. Родители ворчали на наши пропажи со двора. Им было удобнее видеть нас из окон. Но и они сами выросли на болоте, в лесу. Так что не наказывали за походы в эту сторону. Но строго-настрого запрещали в другую:

– Узнаю, что был на «вербовке», выпорю...

Но недолго мы жили с другой стороной поселка отдельно. Как завод свел вместе взрослых с «вербовки» и «болота», так и школа запихнула нас в одни стены, в один класс.

В первый же день маленькая «вербовка» переругалась с маленьким «болотом»:

– Это мое место!

– Нет, мое!

В первый же день передрались:

– Как дам!

– На тебе!

И в первый же день были поголовные слезы:

– Не хочу идти в школу!

– Все будет хорошо, – уговаривали родители и учителя.

– Не хочу идти в школу!.. Не хочу идти в школу!..

Лично я вернулся домой с разбитой губой. Старший брат Сема сочувственно вздохнул:

– Побили?

– Ага...

– За что?

– Ни за что.

– Бывает... Но надо за себя постоять, брат. Иначе каждый день будут бить. Хочешь, чтоб тебя каждый день били?

– Нет.

– Тогда учись драться. Меня вот отец научил, и видишь, как меня уважают...

Да, с Семеном на улице никто не хотел связываться.

– Перво-наперво запомни – никогда не задумывайся. Задумаешься – пропал. Если видишь, что без кулаков не обойтись – сразу бей первым. Не думай, с кем дерешься, зачем и что будет потом. Просто бей. Сходу в нос или под дых, а потом куда придется...

И я бил. Пускал в ход кулаки, локти, колени, подвернувшуюся палку. Как и учил брат, бил в нос, чтоб кровь заливала лицо противника. Бил под дых, чтоб он задохнулся. Бил по ногам, чтобы упал. А если вставал, то еще в ухо, в глаз, в зубы, еще в ухо, и еще в глаз:

– На тебе... На тебе... На тебе...

В ярости драки я переставал чувствовать собственную боль и тем более не думал о боли противника. И мне было все равно, кто передо мной: одноклассник или пацан старше на пару лет. Я просто сжимал зубы, кулаки, бил и ничего не чувствовал. Это потом болели синяки, ссадины. Но они не досаждали. Наоборот, ими можно было гордиться, как медалями и орденами.

Мать мазала меня йодом или зеленкой. Перевязывала. Вздыхала:

– Опять подрался. Что ж это за жизнь такая...

Ей вторила Варя – наша с Семеном младшая сестренка:

– Опять подрался. Что ж это за жизнь такая...

Но отец с братом хвалили:

– Может за себя постоять. Наша кровь...

Чаще всего я дрался в школе. С «вербовкой». Особенно с двумя ее пацанами из нашего класса. С Поташем и Дырой. Саня Поташ был крепким малым. Дыра – всегда злым. Оба учились хуже всех в классе. Оба курили, уже ни от кого не скрываясь. Оба постоянно дрались со всеми подряд. И иногда друг с другом.

Как-то случайно я подслушал разговор нашего учителя Пойгу с директором школы:

– Ну, чего мы их держим. Обоих определенно необходимо переводить в школу для умственно отсталых. И Поташа, и Дырина. Они же с первого класса не справляются с материалом. Мало того – тормозят весь класс...

Директор как бы соглашался, но не очень:

– Надо-то надо. Но ты же знаешь – в Чагуде только одна школа – наша. А в Шольский их попробуй переведи. Сам туда не наездишься. А от родителей их...

Пойгу вздохнул:

– Знаю-знаю. У Поташа оба пьют. У Дырина мать тоже пьет, а отец в тюрьме на Синеи горке...

– Во-о-от, – тянул директор. – Все на нас. Так что давай уж как-нибудь дотянем их до неполного среднего. А потом в училище пойдут при заводе...

На том тот разговор и закончился:

– Что ж делать...

Тогда я задумался о школе, о родителях, о соседях, о Поташе, о Дыре, о других одноклассниках. О том как живут, почему. Задумался – и напрасно. На одной из перемен Юрка Сурепов заявил:

– Наш Чагудай и не болото вовсе, а море. Мы отсюда не видим, а дальше там за камышами вода так разливается, что можно плавать хоть на кораблях, хоть на подводных лодках. И когда пойду в армию, то приплыву домой на подводной лодке...

Тут я засмеялся:

– Во заливаешь. Нет там никакого моря. За болотом – лес. До Синей горки. Оттуда к нам можно через Кольцовку на поезде по железной дороге вернуться...

Но Юрке очень хотелось приплыть домой на подводной лодке:

– Чем докажешь?

Он что – забыл уроки географии?

– У учителя в кабинете на стене карта нашей области висит. Пойдем посмотрим...

– Фу, карта – оттопырил губу Юрка, – я тебе их сколько хочешь нарисовать могу...

Правда, что ли, не верит картам или выпендривается зачем-то?

– Учительская карта не нарисована. Ее из космоса со спутника фотографировали...

– Ага, ты сам, что ли, туда летал фотографировал?

Какая шлея Юрке под хвост попала?

– Нет, ученые...

– Крученые, моченые...

Причем здесь «крученые», «моченые»? Я не знал, что думать, что сказать.

А Юрка фыркал:

– Тоже мне умник. Не знает, а спорит. Не знает, а спорит.

– Знаю.

– Не знаешь.

– Знаю.

Что ж еще можно было ему сказать? Я задумался, а Юрка вдруг легонько ткнул меня кулаком в щеку. Я опешил. Мы же с одного двора. Почему? И зачем?

Я не ответил Юрке. И получил еще в глаз.

Я смотрел на Юрку и не понимал, почему мы должны драться. А потому не чувствовал злобы. Кулаки мои просто не сжимались. Я думал. Я совсем забыл совет брата: «Никогда не задумывайся. Задумаешься – пропал».

Пацаны вокруг непонимающе молчали. А Юрка, пнув меня неуверенно, заключил:

– Не знаешь.

Тут не выдержал мой друг Серега:

– Ты че, Колян?

Я отмахнулся:

– Ни че... Через плечо...

Из школы шел побитой дворняжкой. И мелюзга тыкала в меня пальцем:

– Колька Парфенов сегодня получил.

– Врешь.

– Сам видел. Юрка Сурепов ему накостилял...

В другое время только зыркнул бы в их сторону, и они разлетелись бы как воробьи. А тут, того и гляди, в спину камнем запустят:

– Кольку Парфенова побили... Побили...

Зайдя домой, я бросил портфель, упал на кровать и уткнулся лицом в подушку. Заревел.

Потом просто лежал. Смотрел в потолок.

Пришел Сема, работавший с родителями в разные смены:

– Ты чего валяешься? Заболел?

– Не, – подала голос сестренка, – его Юрка Сурепов побил.

Брат так и сел рядом на кровать:

– Да ты чего, Колян? Я тебя как учил? Мне, что ли, за тебя заступиться?

Когда доставалось от старших пацанов, я всегда мог честно позвать его. Брат приходил в своем танкистском комбинезоне. С тяжелым ремнем на поясе. И помогал кулаками. А когда их не хватало, то снимал с пояса ремень. Отвешивал налево и направо, по головам и по спинам, не разбирая.

Но чтобы брат решал проблемы со сверстниками – это противно. Это значит, что не можешь сам. И все пацаны потом будут перешептываться:

– Колька Парфенов – ссыкун, за брата прячется...

– Нет, – буркнул я Семе, – сам разберусь...

Брат встал:

– Ладно, разбирайся...

А и отцу, наверное, уже на заводе скоро расскажут, что его сына побили в школе:

– Слышь, Петрович. Твоему-то сегодня наkostenяли...

Отец ответит:

– Быть не может...

А вокруг засмеются:

– Точно-точно. Да сам спроси своего...

Отец никому в жизни спуска не давал. И Сема тоже. И я до сегодняшнего дня был как все Парфеновы. Умел держать удар. И умел бить.

Я не хотел драться. Но знал, что если поддамся еще хотя бы в одной драке, то никто меня больше уважать не будет. Ни во дворе, ни в школе, ни дома. Отец с братом сначала будут продолжать воспитывать, а потом махнут рукой – в семье не без урода.

Но я не был ни слаб, ни труслив. И хотел ходить по поселку, в школу, как все нормальные пацаны, не опуская глаз.

Я не хотел драться. Но я был должен.

Не дожидаясь возвращения с работы отца и матери, двинул на улицу. Зашел к Сереге:

– Собирай пацанов. Я иду Юрку бить.

Серега мигом облетел соседей. Слух о том, что я иду бить Юрку, разнесся столь же быстро, как и тот, что меня побили. За домом собралась целая толпа пацанов и девчонок.

Серега вызвал Юрку. Тот вышел за дом с куском хлеба в руке. Непонимающе оглядел всех, посмотрел на меня:

– Чего тебе еще?

Ни слова не говоря, я дал ему в нос. Потом под дых. Юрка уронил хлеб на землю, безмолвно открыв рот, присел, а я дал ему коленом в ухо.

Он упал. Ботинком в бок:

– На, на, получи. На еще, еще...

Юрка корчился от боли. А я в исступлении все пинал и пинал его. И вдруг отлетел в сторону. Услышал:

– Хватит.

Это взявшийся откуда-то брат отшвырнул меня:

– Забьешь пацана до смерти. Пошли домой.

Вечером, когда все заснули, я снова ревел в подушку. За себя и за Юрку. Я ненавидел Чагудай...

Авторитет мой был восстановлен. Но радости от этого я не испытывал. Все думал и никак не мог понять: «Зачем надо драться, если все можно решить на словах? Ведь нужно только выслушать друг друга, потом просто подумать и договориться...»

Но особо углубляться в размышления мне не стоило. История с Юркой была хорошим уроком. А тут еще в классе начались новые игры. Раньше мы, как и у себя на «болоте», играли в школьном дворе в футбол, в «чижик-пыжика». Но вот Поташ с Дырой объявили:

– Будем играть в «паханов» и «шестерок».

Поташ зазывал:

– Я – «пахан». Кто будет моей «шестеркой», того никто не тронет ни в школе, ни дома.

Дыра вербовал кулаками:

– Теперь ты – моя «шестерка». Или каждый день бить буду...

Самые слабые в классе и с «вербовки», и с «болота» стали «шестерить». Две группы возили своих «паханов» на руках до школьных дверей. А еще «шестерки» дрались друг с другом под вскрики Поташа и Дыры:

– Гаси его!

– По почкам, по почкам ему...

«Шестерки» пыхтели, ревели, но терпели. Терпели. Терпели...

Ни мне, ни моим дворовым друзьям эта игра не нравилась. Но мы не вмешивались. Связываться ни с Поташом, ни с Дырой не хотелось. Тем более, что некоторые пацаны шли в «шестерки» добровольно, чтобы иметь защиту.

– Их дело...

Дыра уступал Поташу в силе и в количестве «шестерок». Ему нужны были новые. И он посматривал в сторону «свободных». В мою, в Серегину, в Лешкину...

Каждый из нас был готов к новой драке, но мы понимали, что теперь эта будет какая-то другая «разборка». Дыра может навалиться не один на один, а вместе со своими «шестерками». А еще у него появился нож. И то, что Дыра может им воспользоваться, никто не сомневался. Поташ давно мог бы силой забрать себе всех Дыриных шестерок, но после того, как тот в одной из драк ткнул его ножом в ногу, старался зазря не задирать второго «пахана».

Поташа тогда перевязали в школьном медпункте. Дыру вызывал к себе директор. Они о чем-то в кабинете поговорили. И все. Только этим дело и кончилось.

В тот раз. Что будет дальше? Браться за нож не хотелось. Так же, как и стать «шестеркой» Дыры.

За нас все решил случай. Ночью кто-то разбил окно центрального магазина, утащил несколько блоков сигарет, вино и еще что-то. Утром у школы всех встречала милиция и мужик-свидетель.

Хмурый сержант хватал пацанов за воротники:

– Этот?

– Нет.

– Этот?

– Нет.

– Этот?

– Похож.

– Так он или нет?

– Похож, говорю.

За руку и за волосы схватили Лешку Зубенко:

– Давай в машину!

– Куда? За что?!

– Сам знаешь...

К обеду директор и Пойгу привели Лешку из милиции в школу. Помятого, с перепуганными глазами. Волосы из Лешкиной головы лезли пучками, как у собаки во время линьки.

Мы Лешку шепотом:

– Леха, чего там было?

Но он только отмахивался:

– Потом... Потом...

Потом узнали, что свидетель спутал. Обворовал магазин, конечно, вовсе не Лешка. Это был Дыра. Его позже тоже взяли, но уже не отпустили. Увезли на милицейской машине в Кольцовку.

– А оттуда – на Синюю горку. В колонию для малолеток. – прошелестело по школе.

– Что ж тут поделаешь, – развели руками директор и Пойгу.

А Лешка все вычесывал и вычесывал из головы вырванные с корнями волосы.

Поташ тут же подобрал под себя дыриных «шестерок». Но по своей лени и видимо из-за отсутствия конкуренции он скоро остыл к игре. «Шестерки» самораспустились.

А потом большая часть класса, получив школьное свидетельство о неполном среднем, ушла из школы. Как и загадывали учитель Пойгу с директором. И Поташ, и мои приятели Юрка Сурепов, Володька Тумкин, Серега и другие одноклассники подались в профессиональное училище при заводе. Из нашей «болотной» компании заканчивать среднюю школу осталось несколько человек. В том числе я, Лешка Зубенко и Наташка Федотова.

Лешка собирался поступать в военное училище в Шольском. Наташка – в медицинский институт тоже в Шольском. И я хотел учиться дальше. Хотя отец и говорил:

– Будешь, как и мы с Семеном, на заводе работать...

Я думал о другом. Меня тянуло строить. В детстве я лепил домики в песочнице во дворе. На болоте сооружал хижину из веток и палок. Потом мне стали интересны кирпич, бетон, фундаменты, лестничные проемы, крыши. Куда бы ни бросал свой взгляд, прикидывал, как бы я это построил. Что бы добавил или убрал, изменил.

Я лез с чертежами к отцу, к брату и к матери. Они отмахивались:

– Некогда...

И только сестренка Варя серьезно рассматривала мои проекты нового клуба, школы. Изучала их, критиковала:

– Некрасиво как-то...

Я все перерисовывал, перечерчивал и к окончанию школы у меня набрался целый генеральный план «Как перестроить Чагудай» – защитная зона между заводом и поселком, елочкой – непохожие друг на друга дома с балконами, между ними рядом со школой – бассейн, чтобы в нем и зимой купаться можно было...

Я расставлял по поселку строения, прокладывал дороги и задумывался о том, что одним строительством жизнь в Чагуде не улучшить. Вот ведь больница у нас есть, а все равно сколько народа болеет. Если внимательно поглядеть, так получается здоровыми в Чагуде только малые дети бывают. Да даже и они не все. У нас Варенька чахоткой, туберкулезом болеет. У трехлетнего Мишки со второго этажа под нами почки ни к черту.

А взрослые, так те – все подряд хворые. Бабка Настя болеет – чагу пьет. Мать чем-то непонятным, внутренним болеет. Соседка тетя Даша болеет...

И мужики тоже маются. У отца – отдышка. Старший брат Сема, как вернулся из армии и пошел на завод, так видит все хуже и хуже. Я, правда, здоровый – только шрамы да царапины от порезов.

А больница в Чагуде большая. Но толку от нее мало. Но и какой может быть толк, если врачи почти все временные – приезжие из Шольского. Какие-то испуганные студенты-практиканты, стажеры после выпуска. Как срок у них обязательный заканчивается, так уезжают. Что-то их здесь не устраивает. Мало кто остается. Но, может, одноклассница Наташка, когда институт закончит, вернется в Чагудай. Как терапевт Потапов. Он у нас один врач самый постоянный. Потому что свой – чагудайский. Учился в Шольском. И вернулся. Живет здесь же в поселке.

Хорошо бы, чтоб Наташка лечила по-настоящему, не как практиканты и стажеры. И не как Потапов. Он всем дает одни и те же порошки. Других то ли не знает, то ли нет их у него. А если кто возмущается, так Потапов тому бумажку выписывает:

– Вот тебе направление, езжай в Шольский. Там врачи лучше...

Бабы берут направления и вздыхают. В Шольском, правда, настоящая больница – с большими новыми аппаратами, с лабораториями. Но каждый же раз в такую даль не наездишься. И потому редко кто добирался до Шольского. Больше лечились в Чагуде домашними средствами. Раньше все, как и бабка Настя со стариками, чагой, всякими травами и заговорами пользовались. А потом на водку перешли. Так проще. Для внешних болезней – компрессы. Для внутренних – настойки. Водка с перцем, водка с медом, водка с брусникой, водка с подорожником, водка с кедровым орехом, водка со смородиной, водка с березовой почкой, водка с хреном... В каждом доме свой рецепт.

Глотают мужики и бабы порошки потаповские и для верности своего домашнего лекарства наливают:

– На здоровье...

А когда нет настойки, то водку и просто в чистом виде пьют:

– Дай бог, поможет...

Не помнил я, чтобы хоть кто-нибудь когда-нибудь из чагудайцев вылечился. Ни из тех, кто пил потаповские порошки с водкой, ни из тех, кто в городскую больницу ездил. Те, что из Шольского возвращались, лишь первое время чувствовали себя выздоровевшими. А потом снова болели.

И мать ездила раз в Шольский:

– Говорят, серьезное исследование проводить нужно. А пока точно ничего сказать не могут. А кто меня с работы надолго отпустит. Может, и так пройдет...

Но не проходило.

И Варю отец тоже возил в Шольский. И она тоже никак не выздоравливала...

Померла бабка Настя. Не помогла ей чага. А ни порошков потаповских, ни водки она не пила.

Померла бабка Настя. Не помогла ей чага. Или помогла? На восьмидесятом году отдала богу душу. А рядом с ее могилкой похоронены и пятидесети- и сорокалетние. А многие поселковые, которым всего-то за тридцать, кажутся стариками. Глянешь – у них одинаково больные серые лица. Как будто все из одной семьи. Чужому, наверное, и не отличить сразу одного чагудайца от другого.

Ну, перестрою я больницу, меньше ли станет у нас больных? Выздоровеет ли мать? Отец? Семен? Варя? Теть Даша? Трехлетний Мишка? Кто, чем, как будет их лечить?

Я заглядывал в глаза соседей, знакомых – мучают ли их те же вопросы, что и меня. И сначала мне казалось, что «да». Взгляд чагудайца как бы задумчив. Но на самом деле, видимо, именно серьезных мыслей он и боится, гонит их от себя. Бабы сосредоточенно говорят о чем-то ни о чем:

– Твой так же?

– Так же.

– Бок у меня болит.

– Сходи к Потапову.

– Сахар, говорят, подорожает...

– Водку дешевую завезли...

Мужики глубокомысленно жмут руки:

– Здорово.

– Привет.

– Пока.

– Бывай.

Вот и поговорили.

Единственное, что развязывало мужские языки, это выпивка. Если ее было много, то мужики размякали, разбалтывались, смеялись. Или обратно – роняли слезу и пели:

«Эх, нам бы, нам бы, нам бы,
Нам бы в ресторан.
Нам бы по сто граммов и пивка бы жбан.
Нам бы обожраться и потанцевать,
И официанток тискать-целовать.

Но Синяя горка – окна в решетку,
Где ты свобода? Злая тюрьма.
Пайка да шконка, третья ходка
И не последняя, может, она...»

Хорошо, когда водки было много. Если выпить не хватало, то неудовлетворение перерастало в обиды – соседские или заводские. И тогда мужики дрались. Махали тяжелыми кулаками. Смачно въезжали в озверевшие морды. Кровь, сопли так и летели во все стороны. До тех пор, пока кто-нибудь из мужиков не отключался от действительности. Жены растаскивали на себе грузные тела:

– Что ж с тобой сделали, ироды...

Бывало, дрались и чагудайские бабы. Рассорившись и исчерпав обычный запас оскорбительных слов, вцеплялись друг другу в волосы, царапались, кусались и норовили ударить чем-нибудь тяжелым в живот или по голове, по лицу. Битвы их были скоротечны. Обессилев, бабы садились рядом и ревели в один голос.

Дрались и в семьях. Мужья нередко били жен. Я помнил еще, как пьяный отец налетал на мать с кулаками. Но Сема, быстро войдя в силу, сломал ему как-то по случаю пару ребер. Тем и отучил отца драться с матерью раз и навсегда.

А за стеной у соседей каждый вечер скандал:

– Я тебе что говорил?

– Не виновата...

– Ах, ты, бл...

Визг, писк, ругань, плач, удар, еще удар...

Я вздрагиваю. Вспоминаю, как бью я, как бьют меня. Почему, зачем надо драться? Или, может, чагудайцам просто от рождения не дано решать все на словах? Такой вот народ? Кто мог бы ответить мне? Может, Пойгу? В отличие от других учителей он старался разговаривать с нами серьезно, уважительно.

Я спросил Пойгу после уроков. Когда рядом больше никого не было:

– Почему люди дерутся? Ведь всегда же можно договориться...

Учитель кивнул:

– Ждал я от тебя этого вопроса, Николай. Давно заметил, что у тебя голова на плечах есть. Но не знаю только – на благо ли это тебе...

Я не понял:

– Как это...

Тут Пойгу грустно улыбнулся:

– Видишь ли, не думая, жить проще. Когда уже кто-то за тебя все обмыслил – что делать, как делать. Когда от тебя требуется только соблюдать законы и правила. А вот ты ставишь их под сомнение...

Я помотал головой:

– Но ведь не может быть это правильным – ругаться, драться, калечить друг друга из-за ерунды...

Пойгу не согласился:

– Представь себе, может быть. Когда нет других правил, то действует то, которое первым приходит в голову – кто сильнее, тот и прав.

Я задумался:

– Но ведь должны быть, наверное, какие-то другие, человеческие правила?

– Должны. И они есть. Давным-давно придуманы. Для верующих людей есть божьи заповеди: «не убий», «не укради», «чти отца твоего и мать твою...» Еще есть просто народные правила: «семь раз отмерь, один раз отрежь», «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», «сам погибай,...

– «...а товарища выручай».

– Верно, – одобрил Пойгу. – Существуют и государственные правила – например, уголовный кодекс, в котором четко расписано, что нельзя делать и какое наказание за преступления предусматривается.

Я удивился:

– Но раз есть правила...

– То почему не выполняются?

– Да.

– Потому что существования одних только правил недостаточно. Им нужно учить людей. И еще следить за их соблюдением. Тебя кто-нибудь учил, что драться не хорошо? Что всегда лучше договариваться на словах? Что за драку ты будешь наказан?

Я задумался:

– Ну, вот в школе пытаются воспитывать. Мать иногда ворчит. А отец с братом наоборот хвалят, когда я кого-нибудь побью. И пацаны, конечно, одобряют.

Пойгу развел руками:

– Вот ты и подумай, чему тебя больше учат: договариваться или драться?

Чего тут было думать:

– Драться.

– И я так понимаю, – вздохнул Пойгу.

А у меня возник новый вопрос:

– А в других местах, не в Чагуде – везде так же? Или бывает по-другому, как в книжках, в кино, по телевизору показывают?

– Конечно, бывает по-другому. Город Шольский не можешь не знать?

Я кивнул:

– Конечно. Мать туда в больницу ездила. И Варю возили. И дед у меня там в войну был. И на карте я знаю, где это.

– Так вот в Шольском люди вежливо здороваются, не плюют под ноги, спорят на словах. Иногда кричат друг на друга, но не дерутся, договариваются в конце концов миром сами или через суд...

– Почему же у них так?

– Видишь ли, есть такие вещи, как культура, соблюдение законов...

Мне стало обидно:

– А как же мы? Как нам?

Пойгу пожал плечами:

– У нас, к сожалению, все по-другому. Здесь проще всего тем, кто ни о чем не задумывается.

– А если я не могу не думать?

– То плохи твои дела.

Учитель оглянулся и достал из кармана маленькую фляжку. Ни у кого такой в поселке не было. Но внутри плескалось все то же самое – водка. Мы замечали, что от Пойгу пахнет. Но никогда он не пил при учениках. А сейчас при мне не стеснялся. И вообще говорил со мной,

как со взрослым. Или я уже стал взрослым? Или ему просто не с кем было больше поговорить об этом?

Я отчаянно спросил:

– Что же делать?

Пойгу глотнул:

– Бежать тебе надо отсюда, Николай. Бежать. Пока голова еще соображает и пока тебе ее не проломили.

– Да я сам кому угодно...

– Вот-вот... – смотрел на меня Пойгу умными грустными глазами.

– А вы?

– А мне уже поздно.

– А почему раньше...

Он снова отхлебнул из фляжки:

– А раньше, раньше у меня и мысли такой не было – бежать. Думал, я – такой умный, сильный – справлюсь с Чагудаем. Но он оказался сильнее.

– Сильнее?

Учитель вертел в руках фляжку:

– Ты знаешь, я тоже чагудайский. Как ты, здесь родился. Вырос. Как ты, над жизнью размышлял. Хотел и других людей научить думать. Поступил в институт в Шольском. Учился хорошо, и меня там в школу хотели взять на работу. А я домой в Чагудай вернулся. И знаешь, сначала все вроде получалось. На уроках мы с ребятами спорили. После занятий ставили спектакли. На них приходили родители... А еще в школе организовали краеведческий музей. Во дворе у нас была опытная станция по растениеводству... Конечно, не все учились хорошо. Но на лучших равнялись. Даже двоечники носили в кармане носовой платок. И никто в школе не матерился...

Пойгу еще отпил и задумался, видимо, вспоминая. Я спросил:

– А деревяшки и стекла у забора, это от той станции по растениеводству?

Учитель кивнул:

– Да, остатки... Тогда я был почти счастлив в этой школе. Но потом в классы пошли дети «вербовки». Они вели себя так же, как и их родители. Ругались, курили, дрались...

– И у нас были Поташ и Дыра...

– Да, Поташ и Дырин... Я ходил по домам. Разговаривал с матерями и отцами, если они не были пьяны. Одни мужики мне водки наливали. Другие с кулаками лезли – думали, что я так к их женам подкатываю. И ничего, ничего у меня не получилось. Мы играли по разным правилам. Я пытался сеять разумное, доброе, вечное... А «вербовка» живет намного проще: «Не верь, не бойся, не проси...» Это тюремное правило. Ограниченные люди живут в ограниченном пространстве и имеют ограниченные правила. В тюрьме нельзя мыслить – иначе сойдешь с ума от того, что нет возможности надуманное куда-либо с толком приложить. Люди привыкают к ограничениям, к тюремным правилам и потом хотят по ним – простым и понятным – жить на свободе. И живут по ним не только сами, но и вынуждают следовать им всех других. Когда тебя бьют, ты же не можешь отвечать словами.

– Да уж, – вспомнил я драку с Юркой.

– Вот так и навязываются самые простые правила. Они понятны, удобны для большинства людей. Из тюрьмы они разносятся, проникают, внедряются повсюду. В школах, в училищах, в армии... Если ты вежливый – значит слабый. Если не бьешь – значит слабый. Если просишь о чем-то – опять же значит слабый...

Я был потрясен:

– Но ведь это страшно – никому не верить, ни на кого не рассчитывать – только на собственные кулаки...

– Но зато ведь и не надо думать... А если, Коля, не можешь не мыслить, то это твои проблемы. И мои. Я вовремя не уехал. А ты уезжай, беги...

Я вспомнил:

– У нас еще Лешка Зубенко хочет из Чагудая уехать – в военное училище в Шольском поступать... И Наташка Федотова врачом собралась стать...

– Уезжайте все, все, в ком есть хоть искорка разума. Уезжайте и не возвращайтесь.

– Но почему мы должны уезжать из родного дома?

Пойгу улыбнулся и быстро отхлебнул, завернул пробку:

– Потому что ты еще не представляешь себе всей силы, подлости Чагудая. Ты не можешь остаться здесь таким, как есть. В Чагудая живешь и не замечаешь, как он тихо, постепенно проникает внутрь тебя, дурманит, травит. И уже потом ты вдруг раз и понимаешь, что вовсе и не принадлежишь себе. Чагудай управляет, распоряжается тобой. Он сидит в тебе. Не отпускает. Он – это и есть ты. А от себя ведь не убежишь. Вот почему мне поздно. А вы еще молодые. И ты, и Наташка, и Лешка... Беги, Коля, отсюда, беги!

Он развинтил фляжку и снова отхлебнул. И еще. И еще. Грусть в его умных глазах сменялась безнадежной тоской.

Я глядел на Пойгу и не мог понять. Он учит меня бросить родной дом, мать с отцом, брата с сестрой Варенькой. Бросить всех, чтобы спастись самому?

Да, я могу уехать учиться, работать в Шольский. Туда, где люди вежливо здороваются, не плюют под ноги, спорят на словах. Иногда кричат друг на друга, но не дерутся, договариваются в конце концов миром сами или через суд. Этим людям наверняка нужны новые хорошие дома, клубы, больницы, мосты, автострады...

Но и Чагудая нужны новые хорошие дома, защитная зона между заводом и поселком, школа с бассейном... Здесь я тоже могу строить. Могу. Могу ли?

Я смотрел на прикрывшего глаза Пойгу. Нет, учитель прав. Надо уезжать. Надо бежать. Пока и меня не прибрал Чагудай. Болезнью. Водкой ли...

Бежать. Бежать. Бежать...

Но я не хотел один. Я уговаривал мать. И отца. И брата:

– Давайте уедем отсюда?

– Куда? Зачем? Вот придумал...

Они привыкли. Здесь все родное. Здесь все просто и понятно. Просто и понятно. А на новом месте? И как ни тяжело им жить, но еще тяжелее оторваться. Они уже не представляют, что можно как-то и по-другому.

Только Варенька понимала меня:

– Я бы уехала отсюда. Но куда мне такой больной? Я и хожу-то еле-еле. А ты, Коля, езжай. Поступай в институт. Ты способный. Тебя примут. И оставайся там где-нибудь. Только нас не забывай там. Помни...

Я отворачивал от нее голову. Я боялся заплакать:

– Я буду, буду помнить. Всегда...

Через несколько дней после уроков снова подошел к Пойгу:

– Что нужно, чтобы поступить в строительный институт в Шольском?

Учитель кивнул:

– Прежде всего очень хорошо учиться, Коля. Из всех сил стараться по программе. А еще бы дополнительно заниматься. Там ведь конкурс очень серьезный...

И я взялся. За все предметы сразу. Говорил себе:

– Надо, Коля, надо. А иначе останешься здесь. Сгниешь в Чагудая...

Пятерки просто посыпались в мой дневник. Директор начал меня на собраниях всяких в пример ставить:

– Всем бы так, как Парфенов Николай учиться.

Другого бы пацаны уже вовсю дразнили зубрилой, ботаником. Но не меня. Все знали, что кулаки мои – будь здоров.

Дома успехам были очень довольны. Хвалила сестра:

– Молодец, братик...

Сема довольно качал головой:

– Ну, даешь...

Мама улыбалась:

– Радует меня, сынок, радуешь...

И отцу, конечно, очень льстило, когда хвалили его фамилию:

– Иду мимо школы, а там Парфеновы – на доске почета...

Он не догадывался, что я готовлю побег. Он просто не мог и подумать, что я могу решиться уехать из Чагудая навсегда.

О моих планах знала Варя. Я ей доверял. Она очень строго хранила мои тайны. И еще маме я тоже признался:

– Хочу учиться в Шольском. А как дальше сложится, не знаю. Но сюда вряд ли вернусь...

Думал, что она начнет отговаривать, корить. Но мать, совсем немного помолчав, одобрила:

– Уезжай, сынок, уезжай. А отцу ничего говорить не станем.

На выпускном вечере в школе я лишь пригубил шампанского. Вместе с учителями и родителями. Водка, которую потом пили одноклассники в школьном дворе, просто не лезла мне в рот.

Я умел пить ее. И дешевое вино. Надо было всего лишь выдохнуть, залпом влить в себя жидкость и сдержат тошноту. Но в этот вечер меня просто воротило от одного запаха спиртного. Всю ночь я гулял совершенно трезвый. Разнимал дерущихся по пьяне одноклассников. Отводил и относил домой перепивших одноклассниц.

Под утро зашел к себе. Достал из-под кровати давно заготовленный чемоданчик с вещами, рулон чертежей «Как перестроить Чагудай». Поцеловал в горячий лоб спящую сестру. Обнял мать:

– Мам, я поехал...

– Езжай, сынок.

Она дала мне в дорогу сверток с брусничными пирожками. Сунула в карман денег:

– На первое время тебе хватит... А потом напишешь, я еще скоплю, вышлю...

Не удержалась – вышла проводить меня.

Мы стояли на остановке. Ждали утреннего автобуса. Сердце мое колотилось. Мне казалось, что вот-вот что-нибудь случится и не даст мне уехать. Вдруг сейчас возьмет и подойдет отец:

– А куда это ты собрался?

Или первый автобус возьмет сломается и придется ждать следующего – обеденного. А тогда точно встречи с отцом не избежать. И со всякими знакомыми, родственниками, друзьями. Нужно будет объяснять куда-зачем...

Наконец подъехал автобус, открыл двери.

– До свидания, мама.

– С богом, сынок.

Тронулись. Поворот. Еще. И еще. Я смотрел на мелькавшие за окном березы и молил про себя шофера: «Быстрее! Быстрее!» И боялся обернуться. Боялся взглянуть в глаза Чагудая.

Кольцовка. Перон-вагон:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.